

О секте "анастасийщины".

"Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням" (2 Тим. 4, 3-4)

На протяжении последних нескольких лет на российском "рынке духовности" появилось великое множество разнообразного товара. Формула основателя саентологии Р.Хаббарда о выгодности придумывания собственной религии продолжает подтверждаться множеством примеров. Одним из них стало движение поклонников Анастасии, возникшее после опубликования неким Владимиром Пузаковым, с изяществом гоголевского портного избравшего себе "западный" псевдоним "Мегре", - серии книг о лесной жительнице по имени Анастасия (их совокупный тираж, по оценкам прессы скоро достигнет трех миллионов экземпляров). "Прекословия лжеимённого знания" (1Тим. 6, 20) быстро распространяются и находят себе довольно многочисленных поклонников.

Образ Анастасии.

С обложки книг Пузакова-Мегре на нас смотрит напергидроленная молодая женщина, лицо которой покрыто толстым слоем макияжа. Это для того, чтобы книга лучше продавалась. В то же время на одной из иллюстраций внутри текста в ее портрет введен образ Мадонны. И не случайно, поскольку автор пытается убедить нас в том, что Анастасия исключительная представительница человеческого рода, способная вступать в особые, личные отношения с Богом.

Описание ее внешности представляет набор пошлейших эпитетов, соответствующих целлулоидному мифу о лесной красавице: "золотистые волосы и великолепнейшая фигура", "холеная кожа", "одета в легкое короткое платьице, чем-то похожее на ночную рубашку" (1, с. 28). Один из последователей Пузакова заметит: "Красавица из племени русских ариев". Изъяняется она с истинным изяществом Элочки Людоедки: "Ты читаешь мои мысли. О, как это фантастично!" (1, с. 318).

Анастасия якобы может непосредственно общаться с "высшим разумом" (понимай, с Богом), который является ей в виде светящегося шара. Она предвидит будущее, может его изменять, способна исцелять болезни, переноситься в пространстве не только мыслью, но и, телепортируясь, посещать разные части Земли и даже иные планеты.

Автор от своего имени и от имени героини книги часто обсуждает "алогичность" Анастасии. Это необходимо для того, чтобы далее заявить: все мысли, высказываемые новой пророчицей, сколь бы противоречивыми, малограмотными или даже бредовыми они ни были, являются проявлением "духовных забытых законов из глубин Вселенной" (1, с. 332). Слушая излияния Анастасии, замирают ангелы и бесы ("светлые и темные силы" \там же\). Иногда ее сравнивают с божеством, иногда с людьми до грехопадения - "все, чем она владеет, присуще человеку... в своем первозданном виде" (1, с. 338).

Откуда же взялась Анастасия? Мифология семьи такова. Анастасия происходит из рода, который в течение тысячелетий живет отдельно от остального человечества, лишь иногда вступая в контакт с людьми (1, с. 26). В тексте неоднократно подчеркивается, что Анастасия хранит память тысячелетий, унаследованную от далеких предков. "Прамамочка" (так в тексте - сост.) Анастасии, жившая десятки тысяч лет назад, была от рождения калекой, и мать с горя унесла ее в лес, где и бросила. Незадачливый автор одаривает "прамамочку" именем Лилит. Что-то где-то смутно слышал, и решил, что звучит красиво. Между тем, Лилит - злой дух иудейской демонологии (происходит от корня "лил" - ночь). Талмуд описывает Лилит с особенно ужасающими подробностями, ей приписывается особый интерес к детоубийству: пьет кровь новорожденных и высасывает мозг из костей. Начиная с эпохи Возрождения в связи с

ростом интереса к каббале образ проник в европейскую литературу в виде прекрасной соблазнительной женщины. Эти мотивы, видимо, уловил где-то в любезных его сердцу научно-популярно-окультурных журналах "писатель" Пузаков.

"Прамамочка" создает семью с неким древним "поэтом". Это очень "романтично". Со временем он ее покидает, чтобы положить начало совершенному обществу. Для этого он избирает наиболее порядочного вождя племени по имени Егип и полагает основание древнему Египту (3, с. 159) (о незабвенные бреды Фоменко!). Потом, правда, жрецы стали завидовать предку "Анастасиюшки" (именно так, любовно присюсюкивая, называют ее последователи новой секты) и уморили его голодом. Тот перед смертью успел спеть прекрасную песню для народа (по теории пузаковской Анастасии мечты, воплощенные в слове и переданные в пении, могут преобразовывать реальность). Содержание древних гимнов Анастасия "слышит сама (историческим слухом - прим.сост.), но перевод доподлинный их невозможен" (3, с. 170). И не диво, на стилизации в древнеегипетском стиле Пузаков еще не решается. Правда Анастасия утешает: можно сочинить новые песни. Над ними уже трудится "бард из Егорьевска" (3, с. 171).

Все поведение Анастасии с самого начала ее общения с Пузаковым в стиле примитивной пасторали подчеркивает тесную связь героини романа с природой. Она трогает и "быстро поглаживает" листья и ветки растений, ест травы (1, с. 31). Живет она на поляне, в теплой одежде не нуждается (дело происходит в Западной Сибири, на берегах Оби), не делает никаких продовольственных запасов, питаясь тем, что найдет или что получит от белок (они, оказывается, на зиму запасают орехов и грибов больше, чем нужно). Позже по ходу повествования выясняется, что Анастасия выращивает в лесу огурцы и помидоры, так что образ беспечительности несколько блекнет. Автор делает вывод о том, что лесная жительница "является неотъемлемой частью Природы" (1, с. 36), ей послушны птицы и звери, медведица и волчица служат ей домашней прислугой.

Героиня эпопеи должна представить читателю здоровый образ жизни. Однако это остается одним из самых слабых мест на протяжении всех пока что появившихся томов опуса Пузакова. Беспреданно экзальтированно подпрыгивающая, вертящаяся вокруг своей оси, похлопывающая деревья и извивающаяся на траве, Анастасия все остальное время "продолжает заниматься своим делом" (1, с. 41). Дела же заключаются в том, чтобы размышлять о судьбах человечества и корректировать ход мировых событий. Других занятий, которым могли бы подражать поклонники лесного оздоровления, у Анастасии не находится.

Как же воздействует на мир Анастасия? "Духовным инструментом" отшельницы является некий невидимый луч, при помощи которого она может видеть происходящее в любом конце земли и даже вселенной. В четвертом томе опуса Пузакова рассказывается о том, как Анастасия доставила его на другую планету, показав "центр захвата". Автор пытается убедить своих читателей в том, что на многих планетах существуют цивилизации, технически развитые, но в духовном плане несамодостаточные. Они разъезжают по вселенной на летающих тарелках. Порождены они "злыми сущностями", конкурентами Бога.

Злые сущности хотят погубить землю, но "Анастасиюшка" по ходу развития сюжета материализуется в штабе врага (переместив свое тело на другую планету), парализует его волю и уничтожает орудия, приготовленные для порабощения человечества. Поэтому, в конце концов, Пузаков провозглашает ее "мессией" (3, с. 273).

Поверьте, до антихриста недалеко. На конференции "анастасийцев" в Геленджике не только предлагалось добиться законодательного решения Государственной Думы об охране "Анастасиюшки" как национального достояния, но и выдвигалась идея обратиться в ООН - "на сегодня ООН вроде мирового правительства. Хотелось бы пофантазировать: а что если со временем Анастасия сможет стать ее руководительницей, 'царицей мира'".

Предназначение Анастасии состоит в том, чтобы объяснить людям "пагубность технократического пути развития" и указать путь к "первоистокам" (1, с. 48). Она знает все языки мира, может и веды полностью перевести, только не хочет на это время тратить (3, с. 278) (и впрямь смысла нет: уже все переведено).

Завязка сюжета рассматриваемого нами произведения состоит в том, что Анастасия случайно оказалась в том месте, где предприниматель Пузаков обольщал деревенских девушек роскошью провинциального бизнесмена. Одна из них в восхищении воскликнула, что любит его. Анастасия (которая ни одно слово не произносит напрасно - здесь постоянно подчеркивается магическое значение слова) повторяет признание вслух и тем самым берет любовь на себя. И вот ничтожный Пузаков (его тупость и убожество намеренно подчеркиваются на протяжении текста, чтобы служить выгодно оттеняющим тоном для банальных "откровений" Анастасии; в одном из пассажей об этом говорится так: "счастлива, что не взяла из вашей жизни никого, способного принести радость другой женщине" (1, с. 333)), человек женатый, что его, правда, нисколько не смущает, вступает в связь с лесной жительницей. Как выясняется, все это ради рождения сына, о котором он давно мечтал. Видимо, Пузаковым уготована ребенку особая роль в "романе". Об этом можно судить по тому, что по ходу повествования дело доходит до откровенного богохульства. Дед и прадед Анастасии приходят поздравить беременную внучку. На ее вопрос о том, как они узнали, звучит кощунственный ответ: "Так ведь звезда!..." (1, с. 228). В подтексте сравнение сблудившей Анастасии с Пресвятой Богородицей через намек на Вифлеемскую звезду. Далее в тексте находим такое откровение лесной жительницы: "Христа родить лишь та способна мать, которая поверит, что Христос у ней родится, и если отношение родителей к младенцу будет, как к Христу или Мухаммеду, последует за мыслью и младенец" (2, с. 140). Оставим в стороне очевидный антихристианский пафос. Обратим внимание на то, что здесь содержится намек на исключительную миссию ребенка, рожденного Анастасией от Пузакова (реклама для "анастасийцев": читайте следующие томы эпопеи).

Анастасия озабочена оздоровлением человеческого рода. Для этого хочет донести до людей знания "прамамочки" о правильном кормлении младенцев грудью. В дальнейшем теория расширяется. Пузаков пишет, что с точки зрения абсолютного здоровья, "единицы среди всех рожденных на земле нормальными пришлось (бы) считать" (3, с. 323). Чтобы поправить дело, предлагается оккультная "методика" деторождения: зачатие должно совершаться под семейным кедром (об особом значении этого растения для культа Анастасии см. ниже) и при участии звезд (3, с. 325). Последние влияют и на беременную, которая должна их непрерывно наблюдать. Роды же обязательно должны произойти на месте зачатия, то есть в идеале - в семейном саду (3, с. 326-327).

Забеременевшая Анастасия приказывает Пузакову вернуться в мир, чтобы организовать "честных предпринимателей" ради возрождения России. Тот прибывает в Москву, но терпит неудачи и в результате почти доходит до самоубийства. Тогда Анастасия "переключает" его на писательство. Всего о ней следует написать девять книг (1, с. 364), то есть осталось навывдумывать еще пять томов.

Очевидна проблема, с которой уже начал сталкиваться Пузаков. Люди, поверившие в его басни, хотят видеть Анастасию. "Предъявить" что-либо, кроме пошловатой фотокарточки, представляется затруднительным. Поэтому предложен лозунг: "Я существую для тех, для кого существую" (1, с. 149). Не веришь - твоя проблема. Но на всякий случай задуман отходной маневр: со временем автор, вполне возможно, убьет свою героиню. Первый намек находим в разговоре Пузакова с "дедушкой Анастасии". Там задается вопрос: "Она неизбежно погибнет?". Дед отвечает: "Трудно сказать. Все (из рода "просветленных" - прим. сост.) погибли значительно раньше, а она не раз вступала на путь, предрекающий гибель физическую, но каждый раз в последнее мгновение ярко вспыхивал забытый и более сильный своим приоритетом закон... Оставлял жизнь в ее теле земном" (1, с. 376). Значит, при необходимости, сюжет позволяет...

Пока же этого не произошло, находим упоминания о том, что Пузаков несколько раз бывал у своей подруги в лесу: "каждый раз, когда я бывал в тайге" (3, с. 136), то бишь несколько раз. Ему даже приходится ее отправлять в путешествие по России: Анастасия якобы инкогнито прибывает на конференцию сектантов в Геленджике (3, с. 385).

Для нас, конечно, живой интерес представляет новая сектантское учение. Собственно говоря, даже не учение, а хаотичный навал высказываний о божественном. Читатель Пузакова непритязателен, религиозно необразован, но жаждет контакта с чем-то таинственным и в то же время подтверждаемым "научно-популярной литературой". Ведь все в прошлом атеисты были, а теперь хочется чего-нибудь простенького, но таинственного.

Пузаков-Анастасия о Боге.

Прежде всего обратимся к высказываниям Пузакова и его литературной героини о Боге. Он описывается как "межпланетный разум, интеллект", который наполовину находится "во нематериальном мире" в виде комплекса энергий (то есть, разлагается на составные части), а другой половиной "рассредоточен на Земле, в каждом человеке" (1, с. 48). Здесь чувствуются пантеистические мотивы. Бог оказывается безличной разумной субстанцией, рассеянной в мире.

С космическим интеллектом у автора и его героини наступает некоторая путаница. Сначала предлагается "воспользоваться космическим интеллектом,; обменяться с ним информацией" (1, с. 85). Что имеется в виду? Попользоваться Божественной мудростью, "устроив себе ночевку под звездным небом" (там же)? Видимо речь идет не только об этом, но и о другом, ибо дальше читаем: "космические силы будут с вами и помогут достичь самых немислимых светлых мечтаний, обрести душевный покой" и проч. (1, с. 86). Таким образом, пузаковский космос представляет собой пространство, населенное бесчисленным множеством разнообразных сущностей, как божественного, так и иного происхождения.

Что же это за космические силы, которые возбуждают в душе "мечтания", создавая видимость покоя? Уж не бесы ли? Кстати, в дальнейшем Пузаков сочинит рассказ Анастасии о недобрых "сущностях", живущих во вселенной. Коли так, значит обращаться к звездному миру небезопасно, ведь там живут разные "сущности"?

В книге Мегре-Пузакова "Пространство любви" появляется дефиниция того, что собою представляют "светлые силы". Это вовсе не бесплотные существа мира ангельского, а "светлые мысли, когда-либо произведенные людьми" (2, с. 48). Потом мы узнаем, что злые сущности также могут быть созданы самим человеком.

Раскрытие темы происходит на фоне роста дуалистических мотивов в рассуждениях лесной жительницы. Она, к примеру, поучает, что в любом человеческом творчестве участвуют "две противоположности", то есть добро и зло имманентно присущи человеческому естеству, и вопрос в выборе, который делает личность (1, с. 232). Позитивный выбор делается через контакт с Богом, который содержит в каждом человеке "Свою частичку" (1, с. 234).

У Пузакова неясная и смутная ангело-демонология. Анастасия упоминает о каких-то таинственных силах, подвластных только Богу, называя их "ОНИ" (так в тексте - прим.сост.). Эти "они" имеют некоторый план управления событиями, происходящими в мире (1, с. 138), чтобы "перенести людей через отрезок времени темных сил" (1, с. 148). Отнюдь не Спаситель мира - Иисус Христос, а "они" выступают в роли спасителей мира от зла. Господь же выступает в писаниях Пузакова как один из просветленных, которые были, есть и будут. Люди их гонят, "Иисуса Христа, например. И Бог снова посылает Своих сынов" (именно сынов с малой буквы, здесь налицо полное отрицание Богосыновства Спасителя - прим. сост.) (1, с. 232).

Итак, существуют светлые и темные сущности порождаемые человеком, а кроме того, есть силы добра и зла, существующие в космосе и находящиеся в противоречивых отношениях с Богом, о чем узнаем несколько позже.

Бог не трансцендентен миру, и Его нельзя увидеть всего лишь потому, что Он - нечто вроде совершенного компьютера: Его мысли "с большой скоростью и плотностью работают" (1. с. 353). Иными словами, лицезреть Божество можно, но пройдя определенную "тренировку".

Вообще для Анастасии (а значит, и для ее создателя), утомленных псевдобогословскими ухищрениями, Бог постепенно превращается во "что-то", в "разум, интеллект, существа, силы света, вакуум, абсолют, ритм, дух, Бога" (1, с. 230). Как ни называй, все сойдет. Постепенно проступает более отчетливой становится и пантеистическая тема. Бог якобы говорит: "среди камней смогу травинкой я зеленой вновь пробиться", "днем наступающей взойду зарею" (3, с. 52-53).

Трудно, конечно, человеку постичь то, что Бог невидим. Пузаков создает такой, трогательный по почти архаической примитивности, сюжет. Бог творил человека, и так был этим увлечен, что не успел подумать о Себе Самом и не создал Свой собственный облик (3, с. 69).

Как произошел мир.

В четвертом томе своего опуса Пузаков, наконец, излагает свою доморощенную космогонию. Оказывается до сотворения Земли, вселенная была наполнена "множеством энергий", которые во тьме "мыслили" и "творили" (3, с. 16). Нам ранее сообщали, что Бог рассеян в виде энергий. Но здесь другое - наблюдалось множество или божеств, или порученцев-демиургов, действовавших от имени Бога, непрестанно творя. Далее оказывается, что наш писатель не чужд и индуистских идей о циклических катастрофах: в мире сосуществуют "сущность разрушения и сущность, созидаящая жизнь". Каждая космическая сущность была вовлечена в бессмысленный процесс сотворения и уничтожения (3, с. 16-17). Здесь, конечно, присутствует и дуалистический мотив: "пророчица" сообщает, к примеру, о "гармонии добра и зла" (3, с. 22).

И вот на фоне такой картины, Бог, наконец, вознамеривается приступить к сотворению нашего, очередного мира, но не самостоятельно, а "совместно" с "энергиями", которые стремятся соревноваться с Творцом, относясь к нему как к равному, и отступают, только потерпев поражение.

В конце концов, Бог творит землю и человека один, но понимает, что Его детищу недостает "энергии любви", которая доселе принадлежала только Божеству. Пузаков излагает диалог между Богом и этой самостоятельной внутрибожественной "энергией". Ей отдается повеление: "вся без остатка (! - сост.) на землю опустишь" (3, с. 51). Итак, надо понимать, что Бог, отныне полностью лишен любви, от которой решительно отказывается (3, с. 55), каким-то образом оставаясь при этом "Богом-Любовью" (3, с. 73)?

Далее бог Пузакова наставляет людей, как жить: "сиять отныне в нави, яви, прави" (3, с. 51). Хаотическое богословие автора приобретает еще один элемент, связанный со славянским язычеством. Навь - это воплощение болезни и смерти. Узнаем также, что "навь" значит - мертвец, труп. Таким образом, по Пузакову и прочим отечественным неоязычникам, Бог уготовал прежде "яви и прави" (слова эти сами по себе являются результатом малограмотной морфологической стилизации, но, по крайней мере, происходят от очевидных корней с позитивным смыслом) смерть и трупное разложение. Ничего себе благословение! Попутно заметим, что, с точки зрения тех, кто пытается в России возродить поклонение Роду и Сварогу, явь - есть жизнь, а правь - некий небесный закон бытия. Таким образом, даже в неоязычестве Пузаков показывает свою исключительную поверхностность и, если здесь уместно так

выразиться, безграмотность. Из текста становится понятно, что Пузаков относится к словам о "нави" как о славянской абракадабре, имеющей позитивный, но совершенно неконкретный смысл.

Грехопадение.

Подходим к теме грехопадения, которая в рассматриваемой эпопее полностью удалена из сферы отношений между Богом и человеком. В версии Пузакова она выглядит так: некоторые сущности, живущие во вселенной, хотя и не смогли соработать Богу в творении, стали завидовать и пытаться выведать у человека "тайну сотворенья". Эти богоборческие силы стремились к тому, чтобы "две силы захотели б испытать друг друга" (3, с. 79). Итак, здесь вполне четко проступает дуалистическая неоязыческая концепция нави-яви (у Пузакова даже шаровая молния, представляющая бога Анастасии оставляет после себя запах "ладана и серы" (3, с. 381)). Добро и зло сосуществуют в мире, борются иногда почти на равных.

Анастасия рассматривает грех Адама в духе экологизма. Человек, искушенный вопросами сущностей, начал познавать природу через разрушение, хотя "ничего ему не надо разбирать", поскольку все сведения о мире в нем самом хранятся в "зашифрованном виде" (3, с. 84). Тайны мира могли бы раскрыться человеку через вдохновенное мечтание, вещает "Анастасиюшка". Она полагает, что к мечтаниям никогда не поздно вернуться.

Анастасия о человеке.

Сектантская антропология ничуть не менее сумбурна, чем богословские умствования. Поскольку Пузаков видит себя провозвестником новой "духовности", то и его героиня должна об этом порассуждать. "Что такое Дух человека? Из чего он состоит? - Из всего невидимого, что есть в человеке, включая и некоторые пристрастия и ощущения, приобретенные за время плотского существования... Это энергетический комплекс, состоящий из множества энергий... некоторые из этих комплексов подлежат распаду на отдельные энергии, потом используемые в растительных, животных соединениях, необходимых природных явлениях" (2, с. 35). Не случайно Пузаков пишет "Дух" с прописной. Здесь опять проглядывает основная тема "анастасийщины" - человекобожие. Именно человеческие "энергии" пронизывают и питают все бытие. Если же человек сумеет овладеть всеми своими "силами", то станет господином вселенной. А до Бога далеко... "Человек может всем управлять. Он и создан для управления всем" (1, с. 43). Эпитеты для человека предложены еще и такие: властелин, царь, подобен ангелу - чист и непорочен, мудрейшее существо, подобное Богу.

Ради достижения всемогущества рекомендуется напряженно "мечтать" и "мыслить". Сила мысли по мощности уподобляется Анастасией "процессам, происходящим на Солнце" (2, с. 36).

Всесилие человека относится и к контактам с невидимым духовным миром. "Каждый человек общаться может с чем или с кем захочет", - разрешает "Анастасиюшка" (2, с. 175). Такая вот ловушка: не бойся бесов, будь смелее.

Пузаков через Анастасию убеждает своих читателей в том, что в духовной жизни "все очень просто". Собственно говоря, иначе он и не может поступить, ведь простота достижения сверхъестественных целей - один из главных лозунгов всех новых сектантских учений. Простота - ходкий товар. При помощи чувств, можно достичь любой цели. Дальше как во всех наставлениях по магии: выполните перечисленные действия, кажущиеся простыми и на деле невыполнимые, - и все ваши желания исполнятся. "Анастасиюшка" учит, что "мечтой", только не абстрактной, а детализированной до мельчайших подробностей, можно сотворить все что угодно (1, с. 158). Пузакову, собравшемуся было при посредстве мысли сотворить автомобиль, она объясняет, что предварительно необходимо в своем сознании представить все компоненты машины, до последнего винтика, и тогда чудо совершится. Представьте себе "анастасийцев",

натужно заучивающих на память чертежи автомобилей в напряженных попытках сотворить себе из ничего средство для передвижения.

Оказывается также, что душа человека не уникальна. Как сообщает нам Пузаков, во-первых, потому, что человек рождается одновременно в нескольких вселенных. Во-вторых, выясняется, что "анастасийцы" еще и веруют в перерождение душ. Об этом узнаем из следующего.

Для добавления остроты повествованию в текст введена история о попытке ученых захватить Анастасию. Ее защищает уже знакомый нам светящийся шар, символизирующий божество. Этот шар воздействует на захватчиков таким образом, что показывает им "муки ада". Эти видения свидетельствуют о непрерывности цепи перерождений человеческих душ (2, с. 61), из чего делаем вывод, что Пузаков и его героиня верят в существование кармы и колеса сансары. Далее по тексту находим еще одно подтверждение этому предположению. "Нужно быть свободным от кармических догм или, вернее, быть сильнее их... самыми простыми человеческими словами можно изменить судьбу" (2, с. 80). Иными словами, все люди-"слабаки", как им и положено по индуистскому учению, находятся во власти неумолимого закона кармы. Что посеешь, то пожнешь, и так до бесконечности. Но "Анастасиюшка", и только она, способна помогать людям в поисках освобождения: умеет менять судьбу. Читаем: "Маленькая Анютка перепрограммировалась. Сломала все кармы своих и окружающих" (2, с. 80). Пузаков видно зачитывался в свое время Рерихами и "Диагностикой кармы" С.Н.Лазарева. Единственное его "открытие" - утверждение, что каждый человек имеет несколько "карм".

Приведенных примеров достаточно для того, чтобы понять: рассматриваемое нами произведение, которое, только насилуя смысл слов, можно назвать литературным, содержит набор различных идей о Боге. Эти идеи беспорядочно разбросаны по тексту, и невзыскательный читатель не всегда обратит внимание на то, что, по сути, имеет дело с халтурной языческой поделкой.

Пузаков заигрывает с Православием.

Мы были бы несправедливы, если бы утверждали, что Пузаков опирается только на "лесной" авторитет. Чтобы подтвердить "духовную истинность" описываемого, он пытается обращаться к опыту различных религий. Наверное, было бы опрометчиво обвинять его в безграмотности. В руках Мегре Священное Писание, история становятся жертвой грубого искажения и примитивизации, демонстрирующей презрение к простоватому читателю. И такое, мол, сожрут. Например, нам сообщают, что Моисей "писал скрижали" в лесу (1, с. 35). Уж не о следующих ли событиях Священной истории речь: "И сказал Господь Моисею: взойди ко Мне на гору и будь там; и дам тебе скрижали каменные, и закон и заповеди, которые Я написал для научения их" (Исх. 24, 12). На той горе Синай никакого леса в помине нет. Далее Пузаков намекает, что Господь Иисус Христос также уединялся от учеников в лесу, но не пишет этого впрямую, поскольку Евангелие лучше известно публике, чем Ветхий Завет, и обман не пройдет. Пузаков выступает и знатоком житий святых угодников Божиих: оказывается преподобные Сергей Радонежский и Серафим Саровский, находясь в лесу, "через небольшой отрезок времени постигали мудрость" (1, с. 35). В наше время очень важна установка на сжатые сроки, кому охота ждать! В результате на месте отшельничества преп. Серафима воздвигли монастырь: Воистину новость для всех православных, никто и не ведал такого! Далее Пузаков сокрушается, что нигде не написано, что происходило в лесу с отшельниками. Обыскался бедняга и ничего не нашел. Между тем из житий преподобных знаем доподлинно, что пребывали они в молитве и посте, часто подвергаясь искушениям и нападениям от бесов. Но упоминание о лесной нечисти не вяжется с концепцией Пузакова, ему бы больше подошло, если бы наши святые с утра до вечера обнимали деревья, подпитываясь от них космической энергией. Автор намеренно мистифицирует те жалкие сведения о православной традиции, которыми обладает. "Анастасиюшка" поведала ему, что в рукописях, хранящихся в некоем монастыре, можно прочесть о том, как два монаха научились управляться с пасекой как никто другой. Обман задуман для того, чтобы невоцерковленный читатель решил, что Анастасия прямо связана с

Православием, если знает даже некоторые его тайны. Невдомек Пузакову, что свет Христов просвещает всех, не таясь по углам вместе с рериховцами и прочим оккультническим сбродом. К тому же, всякий мало-мальски любопытный читатель найдет сведения о "секретных пчеловодах" в житиях преподобных Зосимы и Савватия Соловецких или в иных легко доступных источниках .

Реверансы в адрес христианства довольно скоро сменяются сначала отстранением, а потом и враждебностью. Концепция "Анастасиюшки" исходит из избитой рериховской посылки, что все религии равны, содержат частицы истины. Во главе каждого учения стояли "просветленные". Их чередой представляется ужасающе абсурдной для человека даже почти не сведущего в истории религии, а для христианина или мусульманина еще и оскорбительной. Пузаков в одном ряду перечисляет славянского "скотьего бога" Велеса, персонажей индийского эпоса "Махабхараты" и "Рамаяны" - Кришну и Раму, трехликого и рогатого Шиву индуистской мифологии, Иисуса Христа, Аллаха (не имея, видимо, понятия о том, что этим словом в исламе обозначается Бог - Творец мира, никогда не воплощавшийся) и Будда (1, с. 62). В другом месте текста встречается и такой перл: "И что же, знание лам Востока, мудрость Будды и Христа, Йоги она знает? - Знает" (1, с. 359). Веселитесь "анастасийцы"! Ваша богиня узнала знания самого (или самой?) Йоги, да еще и постигла мудрость лам, которая, видно отлична от мудрости Будды, коему они поклоняются, ибо в противном случае нет нужды их отдельно упоминать? Да понятно зачем, ведь у Рериха написано, что все тайны у лам в Тибете. Все таинственное хорошо продается. Анастасия говорит: "Я о них не читала, я просто знаю, что они говорили, о чем думали, чего хотели" (там же). Пузаков тоже не читал и к тому же не знает...

Последователи "анастасийщины", коих немало, в сходно малограмотном стиле упражняются в культурологии и религиоведении. Некий "член-корреспондент" заведения, скрывающегося за аббревиатурой "МАИ", К.И.Шилин, пишет, что "Анастасия является совершенным человеком, подобным Богу". Он также приравнивает ее к таким буддийским божествам (почему-то премудрый Шилин считает буддизм - "женским" типом культуры \так в тексте - прим. сост.\) как Каннон (японское имя бодхисаттвы Авалокитешвары, богиня милосердия), Тара (наиболее популярной в ламаизме, являющейся женским проявлением Авалокитешвары, который в Тибете еще выступает в мужском обличье) и Майтрейе, будде грядущего, вообще не имеющему женского облика (1, с. 188). Цитируя этот "поток сознания", Пузаков не сомневается, что наивный читатель примет скудоумие за высокое откровение. Соблюден главный принцип: вали в кучу непонятные слова, - не ошибешься. Например, мы по ходу рассуждений "академика" А.Е.Акимова (его цитирует Пузаков) о том, что вселенский разум можно уподобить ЭВМ, узнаем, что "Шуньята (так в тексте - сост.), древней ведической литературы как раз и есть суперсовременная вычислительная машина" (1, с. 191). И никому не должно, по мысли автора, быть дела до того, что в ведах нет ни слова о шуньяте, что это понятие буддийской философии, обозначающее бессущность, ничтожность, пустотность всех явлений, что сама идея шуньяты резко критиковалась индуистскими философами.

Мы заметили, что Пузаков вообще любит веды, а заодно и санскрит. Ему кажется, что именно оттуда он и получит нужную поддержку своему "проекту". Тем паче что сходных позиций держатся и другие отечественные неоязычники. Конечно, времени и интеллектуальных возможностей читать веды нет, приходится обходиться научно-популярной литературой. Нередко происходят конфузы. Например, Анастасия поучает: "За каждой буквой на санскрите, - фразы, слова. В них тоже буквы, дальше много слов, так бесконечность скрыта в каждой букве" (1, с. 253). Знал бы бедный Пузаков, что проповедует Каббалу, может, и бросил бы писать?

Устами Анастасии дается и концептуальное объяснение ее беспорядочных речений на тему о религиях: "в каждом человеке изначально заложена абсолютно вся (подчеркнуто нами - сост.) информация", в том числе и об "учениях мудрецов Запада и Востока, Индии и Тибета" (1, с. 317). Иными словами, в каждой личности в латентной форме не только хранится православное вероучение, но обретаются и даосизм, и шаманизм, и зороастризм и проч. А если кто скажет, что это бред, тот просто заблуждается и не знает всей правды. Ловко. Хотелось бы только

спросить того же Пузакова: если в нем самом сокрыта вся информация, скажем, о христианстве, то почему же он что ни слово, то врет?

Как уже отмечалось, отношение Пузакова к христианству менялось по мере распространения его писаний. Первоначально он пытался обмануть читателей, намекая, что его поддерживают "руководители духовных конфессий (хотелось бы походя спросить, что такое "недуховные" конфессии, если само слово 'конфессия' обозначает вероисповедание - сост.)" (1, с. 187). Возможно Пузаков действительно в двадцатипятилетнем возрасте посетил Свято-Троицкую Сергиеву Лавру и встречался с самым благочинным монастыря архимандритом Феодоритом (Воробьевым), который провел в монастыре 17 лет вплоть до 1970 г., а скончался в 1973 г. (4, с. 141). Наш "писатель" присочинил такие детали как особое внимание к нему приснопоминаемого о.Феодорита, которому Пузаков приписывает такие: "Ты покажешь им..." (1, с. 316), как можно догадаться... "Анастасиюшку".

Манипуляции памятью архимандрита не мешают автору постепенно наращивать нападки на Православную Церковь, которая, по его словам, в отличие от Анастасии "молчит". Начинают звучать и знакомые обновленческие мотивы вроде: "В церковь на службу придешь, - она на языке, который не понимают. И тогда идут люди толпами, деньги платят, чтобы послушать на понятном языке говорящих проповедников" (1, с. 323). Интересно, где Пузаков (заядлый посетитель монастырей) видел православных священников, читающих проповеди на церковно-славянском языке?

Оказывается, святые равноапостольные Кирилл и Мефодий "по приказу" ввели новую письменность, чтобы лишить славян "знаний о первоисточках", "чтобы жрецам (sic! - сост.) иным народы подчинялись" (3, с. 10). Мы то наивные полагали, что Православие дало начало отечественной культуре. А Пузакову все известно точнее: "ушел язык, и с ним ушла культура" (3, с. 11).

Дальше больше. О православных паломниках, отправляющихся в Святую Землю, читаем: "А россияне едут за тридевять земель, чужим богам поклоняться" (1, с. 401). Между тем, им следует вместе с Пузаковым возрождать доморощенное неоязычество и поклоняться камням в Геленджике. Завершается разделение на своих и чужих богов, своих и чужих жрецов. Охота Пузакову стать вселенским "анастасийским" патриархом.

Языческая тема звучит крещендо в конце книги "Звенящие кедры России", где помещены стишата поклонников "Анастасиюшки". Некий "целитель" Н.Кузнецов пишет про Россию, что "до христианской быть отныне тебе судьбою суждено" (нами сохранена орфография - сост.) (1, с. 402). Другой сочинитель Я.И.Колтунов еще более откровенен: "к родным богам чтоб Русь вернуть", пишет он (1, с. 413). Далее по тексту Анастасия называется "России Божиим Храмом", а дерево кедр - "Богом-спасителем" (там же). Вот еще вирши: "Природа - наша Матушка, а Господь - наш Батюшка", под Господом понимается славянский Род (2, с. 184-185).

Пузакову со временем приходит мысль отказаться от попыток паразитировать на какой-либо конкретной религии. Он начинает приписывать своим собственным писаниям сверхъестественные свойства, способствующие образованию религиозного сообщества. Проще говоря, секты. Он настаивает на том, что чудесное воздействие его книг на читателей ведет к неконтролируемому процессу объединения "анастасийцев". Некие ученые якобы написала в своем докладе: "Создается впечатление, что в среде живущего на земле сообщества людей начинает происходить реакция, которую мы не в состоянии контролировать, а, следовательно, остановить. Основным фактом, подтверждающим ее существование (Анастасии - прим.сост.), служит психологическая реакция соприкоснувшихся с книгой людей... данный образ по своему психологическому воздействию превосходит на несколько порядков все, ранее известные, включая классические и библейские" (2, с. 92). Наконец все встало на свои места, "Анастасиюшка" должна заменить христианского Бога, а, следовательно, слюнявые

заигрывания с "конфессиями" уже ни к чему. И Пузаков меняет акценты. Церкви объявляется война: "Посредников Отец не знает" (2, с. 210).

Тем более, что возникает необходимость защищаться. В конце книги "Пространство любви" говорится, что "самая маленькая часть начинает распространять слухи, что Анастасия - это очередная секта. Их мнение вызывает у нас улыбки духовной бедности данных людей" (2, с. 182). Ответ, кстати совершенно сектантский: зачем опровергать по существу, лучше обвинить оппонентов в слепоте. Хотя озабоченность сохраняется и в дальнейшем. В четвертом томе Пузаков с сожалением отмечает, что "конфессии" пишут об Анастасии критические статьи в "духовных изданиях", но не решается полемизировать (3, с. 382).

Вроде бы отважившись на разрыв, горе-писатель иногда вновь обращается к авторитету "руководителей духовных конфессий", которые якобы называют Анастасию "высокой сущностью, самодовлеющей субстанцией" (2, с. 202). Вот бы знать, кто такую чушь сказал! Совершенно очевидно, что рассчитывая на массовый рынок, нельзя полностью обратиться в язычество. Поэтому Пузаков наивно пытается внести разделение в церковные ряды: простые сельские православные священники, мол, за него, да другие, высокопоставленные - против. Неожиданная поддержка приходит к Пузакову от папы римского, который, с точки зрения "Анастасиюшки", сказал о Боге новые слова (цитат и сносок, как водится, не найдешь). Вообще же ожидается, что секта вскоре найдет союзника в лице "православного патриарха" (Господи, прости!) (3, с. 274-276).

Священное Писание в книгах Пузакова.

Будучи незатейлив в богословии и религиоведении, Пузаков не менее бесцеремонен в обращении с текстом Священного Писания (некоторые примеры уже приводились выше). И дело не в незнании, а в той простоте, которая хуже воровства. Начало Евангелия от Иоанна трактуется примитивно, в духе бытового магизма. Утверждается, что всякое слово, произнесенное Анастасией, будучи произнесено, ведет к изменению сущего мира (1, с. 181). В очередной раз героиня Пузакова уподобляется Господу Богу.

О том, в каком "духе" Пузаков толкует Писание, можно судить по тому, что он сравнивает апостольскую проповедь с многоуровневым маркетингом (1, с. 277).

"Учение о молитве".

Для Анастасии молитва - это магический текст, действующий таинственной силой своего звука. Она якобы внушает Пузакову содержание, а тот кладет его на бумагу. В тексте присутствуют "мои сочетания букв, - говорит она, - Они могут творить чудеса, как молитва" (1, с. 162). Таким образом, последователи "анастасийщины", почитывая опусы Мегре, зомбируются при посредстве сочетаний букв, которые объект их поклонения якобы "собрал... из различных времен" (1, с. 162). Видимо для того, чтобы подчеркнуть присутствие в своих книжках духа Анастасии, Пузаков с середины второй книги, называющейся "Звенящие кедровые России", начал с назойливым упорством использовать белый стих. Чтение ритмической прозы, да еще и написанной вульгарным и убогим языком производит не только гнетущее впечатление, но и вызывает у читателя ощущение, что он через чтение подвергается своего рода нейро-лингвистическому программированию.

Пузаков учит, что молитва бесполезна, если "слова произносить чужие" (3, с. 97). В разряд чужих попала и молитва Господня, которую Пузаков цитирует с приговором: "если помните" (3, с. 99). Далее следует откровенное богохульство, поскольку лесная жительница разъясняет своему биографу, что оставленная нам Христом Спасителем молитва является сплошной бессмыслицей (3, с. 102). Вместо "Отче наш", предлагается убогий стишок, в котором "Анастасиюшка" сообщает Богу, что "не допустит греха и слабости в себе", будет жить "в мечте" и так, как сама захочет (3, с. 105).

Подтекст здесь следующий: человек должен сознавать себя равным Богу, а православная духовная традиция - только помеха. Закономерно поэтому, что далее по тексту обнаруживаем... "молитву Бога к человеку". Она среди прочего содержит и иконоборческий мотив: "лика́м святы́х" посыла́ется упрек (от имени Бога), что в них присутствует чуждая Всевышнему "суровая грусть" (3, с. 108).

Итак, "атастасийщина" рассматривает молитву как форму магии, попутно хулит православную молитву, святые иконы и убеждает своих последователей, что не только человек обращается к Богу с молитвой, но и наоборот.

Связь с оккультными учениями и сектами.

Пузаков в своих рассуждениях о "духовном" не только манипулирует идеями, почерпнутыми из разных религий, но и апеллирует к авторитету "эзотерики". Рериховские "уши" постоянно вылезают из пузаковской болтовни (вспомним хотя бы про космические творящие сущности - чем не "Элохимы" теософов?). Есть и прямые ссылки, например на рассуждения Е.Рерих в "Живой этике" о друидах и зороастрийцах (1, с. 17, 159). По ходу текста проскальзывает упоминание о шамбале (1, с. 340), которое в дальнейшем получает свое развитие. "Анастасиюшка" учит, что "Шамбала" - это "святое место", но не где-то на земле, а "у каждого внутри и внешне проявления ее людьми воссоздается" (грамматика оригинала - сост.) (2, с. 191). Узнаем мы и об "земных учителях", "сынах Его" (читай, о махатмах - сост.), которые вскоре наберут силу и победят тьму (1, с. 355). Встречаем упоминания о Блаватской как о писательнице, оставившей достоверные книги (2, с. 174).

Не обойдены вниманием и отечественные сектанты. Рассказывая о том, что Анастасия большую часть времени разгуливает полуобнаженной и не боится сорокоградусного мороза, ее создатель вспоминает про учение основателя движения "ивановцев", которого они называют "господом животворящим", - Порфирия Иванова, ходившего зимой в одних трусах (1, с.40). Нам также сообщают, что писания Пузакова одобрил глава еще одной секты - "церкви последнего завета" - Виссарион Тороп: "Читайте книжку про Анастасию, она вас будет зажигать" (1, с. 356).

Поклонение кедру.

Важным компонентом вероучения "анастасийщины" является поклонение кедру. Божественное предназначение кедра - служить накопителем космической энергии, которая в свою очередь есть светлое человеческое излучение, полученное и возвращенное "Космосом" (1, с. 10).

Для подтверждения своей правоты Пузаков апеллирует к Библии (и ему дела нет, что сибирский и ливанский кедр - это разные растения: главное другое - чем севернее, тем "сила" у дерева больше, и все тут (1, с. 17)). Он утверждает, что "совершенно неслучайно" в библиейском тексте кедр упоминается 42 раза. (Вообще-то 77). Но смешнее другое. Пузаков утверждает, что в Священном Писании не говорится о других деревьях, кроме кедра, который завозили из Тира, но ведь оттуда же доставляли и кипарис! Это малограмотное заявление подхватил и последователь новой секты, некий Б.Минин, глава курьезного учреждения под названием Международная академия общественного развития (в душе поэт; вот некоторые из его наиболее "возвышенных" строк: "Я адским зудом исхожу"; "Все наше вязкое уродство, и грязь, и смрад, и вещизм, и злобство"). Куда же подевались бальзамовое дерево, гранат, дуб, ива, кипарис, клещевина, красное дерево, маслина, миндаль, мирт, пальма, смоковница и проч.? Конечно, эти люди, скорее всего Библии никогда не читали (тому множество свидетельств, например, друг царя Соломона - царь тирский Хирам - назван Пузаковым Хироном (1, с. 380), видно в голове писателя перемешалась Священная история Ветхого Завета и греческие мифы, где старик Харон возит умерших через реку, текущую в преисподней). Поэтому ошибка извинительна, поскольку Пузаков в основном, как он неоднократно подчеркивает,

консультировался с научно-популярной литературой, которую, правда, почему-то в одном месте называет "древневедической" (видно, в угаре творчества) (1, с. 16).

Но есть и откровенное передегеривание. Наш Мегре вопрошает: что же за облако наполнило Храм Иерусалимский? Не обошлось здесь без влияния кедровой древесины! Вопрос сопровождается сноской на то место в Писании (3 Цар. 7, 8-10), где вообще ничего не говорится на эту тему. Зато далее в 3 Цар. 8, 11 читаем: "и не могли священники стоять на служении, по причине облака, ибо слава Господня наполнила храм Господень". Если все четко сказано про славу Божию, чего читателям морочить голову вопросами про "энергию", "дух" и влияние кедр? Объяснение, надо думать одно: через усиленную мистификацию убедить простодушного и несведущего читателя в правоте автора. А убеждать надо, поскольку речь идет о деньгах.

Дело заключается в следующем. Старики, якобы дед и прадед Анастасии, встретившие Пузакова на берегу Оби, утверждали, что кусочек древесины нужно носить на груди, на веревочке (1, с.8). Вместо креста, что ли? Изложен и ритуал: одевать стоя босиком на траве, а прижимая ладонь левой руки к груди. Намек на панацею: если шлифовать пальцами кусок кедр, через три месяца наступит излечение от заболеваний ("От любых болезней!" (1, с.8)).

Дерево мифологизируется. Даже в маленьком кусочке древесины энергии якобы больше, чем во всех рукотворных энергетических установок на земле. Нам рассказывают, что кедр живет 500 лет, после чего начинает звенеть, в течение трех лет ожидая, что энергию заберут люди. Потом умирает, невостребованный, в течение 27 лет. Читателям предлагается приобрести кусок древесины, чтобы "поглаживая, получать для себя возможность общения с бесконечным объемом мудрости" (1, с. 378). Как сообщает печать, зять Пузакова неплохо зарабатывает на торговле кедровыми кругляшами для "поглаживания". Кедровое масло, произведенное особым, ритуальным способом, также пользуется большим спросом у почитателей "Анастасиюшки".

В книге "Анастасия" описывается кедровое дерево, окруженное "ореолом, похожим на тот, что рисуют на иконах вокруг лика святых" (1, с. 115). Причем тут же совершенно кощунственно и не к месту цитируется Евангелие от Иоанна 1, 14 - "в Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков". Оказывается - это о "звнящем кедре", в нем жизнь вечная! Выдуманный Пузаковым кедр соединен с небом неким энергетическим лучом.

Рекламируя кедр, автор эпопеи особо напирает на способность растения "восстанавливать мужскую силу" (1, с. 14). В качестве "выдающихся" образцов приводит Григория Распутина (его, по утверждению "анастасийцев", папа римский Иоанн XIII охарактеризовал как великого монаха, но указания на источник этой удивительной информации не дается) и одного из активистов блока "Единство" - Александра Карелина.

"Святые места".

"Анастасийцам" никак нельзя было обойтись без своих "святых". Хотя лесная жительница и рекомендовала через своего биографа всем миром, не покладая рук, сажать кедры, однако долго ждать, пока вырастут "сакральные леса". В сибирскую тайгу к кедром ездить и накладно, и сложно. Ко всему прочему люди станут задавать о местонахождении "Анастасиюшки". Тогда возникает идея, естественно, озвученная героиней опуса, о том, что в черноморском городке Геленджик имеются святые, значение которых больше, чем святых мест в Иерусалиме (1, с. 383). (Вот, кстати, и еще один антихристианский пассаж). В дальнейшем планируется превратить городок в "славянский духовный центр", где будет построен "грандиозный ХРАМ ЕДИНЕНИЯ со специальными культовыми сооружениями, музеями, разделами по разным религиям, начиная с язычества, и учениям (в том числе и атеизму)".

Предлагается поклоняться адыгейским "дольменам", которые якобы являются местами захоронений древних мудрецов, живших десятки тысяч лет назад (хотя наука не датирует каменные гробы 3-2 тыс. до РХ). Они, по Пузакову, добровольно заживо погребались в

каменных камерах. Мудрецы вдобавок приходятся родственниками Анастасии. Среди них и ее "прамамочка". "Необычность их смерти заключалась в том, что они медитировали. Медитировали в вечность, в духе навсегда оставшись на Земле, сохранив некоторые чувства земные" (2, с. 39).

Поклоняющийся дольмену, как верят последователи Пузакова, вступает в контакт с умершими. Через эти своего рода "информационные приемники" "легче было связаться с Интеллектом Вселенной" (1, с. 389). Хотя причем тут вселенная неясно, если вспомнить, что древние "в духе" остались на земле и обладают именно земными чувствами?

Начиная с 1995 г. Пузаков приступил к разработке "дольменного" проекта в Геленджике. Вскоре он получил содействие от местных властей, которые быстро осознали, что наплыв сектантов (около 50 тыс. человек в год) позволит значительно поправить дела захиревшего курортного городка. Нашлась работа для гидов, моментально переквалифицировавшихся в ясновидящих и медиумов. Регулярно проводятся читательские конференции (их еще для важности называют "научно-практическими"), на которые теперь приезжают не только из России, но и из ближнего и дальнего зарубежья. По словам одного из адептов, это - "масса вполне серьезных людей, предпринимателей, ученых, специалистов, людей социального и технического творчества, открыто поддерживающих Идею Анастасии".

Культ дольменов не обходится без нападок на православие. Утверждается, например, что сорок дольменов в свое время были разрушены, а камень пошел на строительство церквей. В качестве мести большевики на Северном Кавказе убили жестокой смертью сорок православных священников. Бесы через большевиков расправились со священнослужителями. "Анастасийцы" довольны.

Эсхатология.

По правилам детективного жанра в литературном произведении должно присутствовать напряженное ощущение опасности. По Пузакову, кедр является главным национальным достоянием России, и различные международные темные силы сговорились и покушаются на него (1, с. 20). Вот первый знак угрозы.

Однако далее проступают уже чисто эсхатологические мотивы. Что за секта и без конца света? Анастасия сообщает, что ей при участии дачников (об их роли в секте см. ниже), которых за это нужно прославить установлением 23 июля специального праздничного дня, удалось в 1992 г. предотвратить конец света. Следующая дата намечена на 2002 г. (1, с. 243). Для "анастасийцев" важно монополизировать "право на конец света". Анастасия осуждает тех, кто говорит о Страшном суде (в том числе и Церковь). Пузаков пишет об этом с присущим ему корявым изяществом: "Возможно, собрав вокруг себя массы людские, за счет притягательности представлений, они осуществят поворот в осознанности" (1, с. 337). А вовсе и нет никакой нужды готовиться к Суду, говорят сектанты, нужно только во всем слушаться Анастасию, - и все будет в порядке:

Этический идеал "анастасийщины".

Рассказывая о своем "луче", Анастасия подчеркивает важность "чистоты помыслов". Если человек испытывает лишь "светлые чувства", то его луч очень силен и может многое (1, с. 47). Таким образом, последователи, вроде бы ориентированы на нравственное самосовершенствование. Только как это сделать, если предлагается жить одновременно и в "нави", и в "яви"? Если в мире существует "гармония" добра и зла, то в чем истинное совершенство?

"Анастасиюшка" непрестанно предостерегает против увлечения научно-техническим прогрессом, ведущим Землю к гибели. Необходимо обратиться к природе. Отношения человека

с окружающей средой зависят от "помыслов". Агрессивное настроение, "темные чувства" вызывают, например, ответную враждебность животных (1, с. 79).

Все неприятности и беды, происходящие с человеком, Анастасия объясняет тем, что люди "нарушают правила духовного бытия и порывают связь с Природой" (которая пишется с прописной, как очевидно обожествляемая; вообще же в наших доморожденных оккультистов-эзотеристов заведено так: чем больше прописных букв, тем выше "духовность" - прим.сост.) (1, с. 125). Эти правила и заповеди "изложены еще в Библии". Священному Писанию отводится рядовая роль одного из многочисленных источников языческого откровения. Вряд ли мы найдем библейские тексты, рассказывающие о любви растения к человеку, о чем "ведает" своему дружку лесная обитательница. Пузакову следовало бы обратиться за концептуальной поддержкой к греческой мифологии, дело было бы вернее.

Вот несложная система "нравственного богословия" Пузакова. Для кого же все это приурочено?

Адресаты сектантской проповеди.

Один из сподвижников Пузакова верно заметил, что автор эпопеи ориентируется на "чернозем", то есть необразованного, невзыскательного читателя. Потому, мол, и корявый стиль простителен, и неправильная грамматика делу не вредит.

Анастасия неоднократно подчеркивает, что главным объектом ее забот являются российские дачники, которые на своих крошечных участках земли общаются с животными и растениями (1, с. 67). Она сама при помощи "луча" наставляет людей, как лучше выращивать плоды, очищать природу от загрязнения. Многие предлагаемые рецепты фактически являются описаниями магических операций с семенами, которым якобы "передается вся информация о человеке", а те в свою очередь, прорастая, собирают для нужд хозяина "из Космоса и Земли необходимую энергию" (1, с. 75). Чтобы получать от овощей с огорода нужную медицинскую помощь, нужно лишь регулярно поливать их водой после мытья ног, поскольку пот содержит сведения о болезнях. На грядки поступит диагноз, и растения произведут потребные лечебные вещества.

Образ жизни, предлагаемый Анастасией, предполагает утреннее и вечернее общение с растениями. Здесь нет места молитве (1, с. 80-81).

Занятие земледелием становится у Пузакова родом магической натуропатии. Для "успокоения души" нужно всего лишь самому совершить полностью весь цикл выращивания зерна и производства хлеба, а также хотя бы три дня за лето питаться плодами своего огорода (1, с. 83-84). И будете здоровеньки:

Садовые участки постепенно сакрализуются в писаниях Пузакова как энергетически насыщенный "участок родовой", на котором можно получить защиту от всякого зла (3, с. 333). Зачем же от "нави" то родимой спасаться?

По мере нарастания малограмотного бреда в писаниях Пузакова, возникает необходимость дискредитации учебы и знаний. "Настанет время, человечество поймет. Ученый самый крупный к бабушке на огород придет. Изголодавшийся, попросит он помидор себе на пропитание. Ученый и его творения мнимые той бабушке сегодня не нужны... Она спокойно без ученого живет. А он не может без нее прожить. Он - в мире иллюзорном, бесплодном, в никуда ведущем. Она - с землей естественной и со вселенной всей. Она нужна вселенной, он не нужен" (2, с. 169). Вообще читать и учиться вредно, учит "Анастасиюшка", - темные силы "множеством учений стремятся главное от человека скрыть" (3, с. 279). Читаем дальше: "познание предметов и наук не нужно самоцелью делать. Как стать счастливым главное познать" (3, с. 346).

Итак, новая богиня предложена довольно многочисленной части российского общества. Критерий для отбора сторонников: много времени проводит на садовом участке. Как правило, это или пенсионеры, или люди, ставшие в определенной степени жертвами современных преобразований, экономически неблагополучные, вынужденные питаться плодами своих садов и огородов, поскольку заработной платы на пропитание не хватает. Дачник-"анастасиец" - это городской житель, своего рода идеологический маргинал. Он уже не советский человек, но живет верой в силу научно-технического знания. Он еще не захотел или еще не смог воцерковиться: "слишком сложно". Он верит в НЛО, экстрасенсов, восточные чудеса, лекарства-панацеи, астрологию и геомантию. Ему грустно, что большая часть восторгающих его "чудес" - заграничного происхождения. Хочется, между тем, чего-нибудь своего, с одной стороны простенького, а с другой стороны, волшебного, обещающего каждому простые способы приобщения к "миру тайн". Вот они, бывшие посетители мавзолея, с надеждой обращающие свои взоры к "Анастасиюшке".

Сочинитель Пузаков предпринял даже попытку объединить своих последователей в новое общественное движение.

Одно из названий - Движение "Анастасия". Оно занято популяризацией идей Пузакова, а также производством религиозной продукции секты под торговой маркой "Звенящие кедры России" (качество гарантировано!). Среди из организаций "анастасийцев" - Фонд культуры и поддержки творчества "Анастасия" в г. Владимире. Он занимается поддержкой самодеятельного искусства по темам "женщина, душа, Россия, экология", содействует изготовлению экологически чистых продуктов и товаров, пропагандистской продукции, организацией соревнований бардов (энтузиасты могут приобрести две кассеты с песнями по 25 руб. за штуку). Созданный в 1999 г., фонд также распространяет самодеятельные песни об Анастасии, издает эти песни, а также отзывы читателей на писания Пузакова. Отдельным делом является организация паломничеств по Оби для всех желающих подышать кедровыми фитонцидами.

Фондом инициировано общероссийское политическое движение землепользователей "Сотворение". Одним из главных программных требований является законодательная передача всем желающим гражданам в наследственное пользование для занятий земледелием и строительством участка земли площадью в 1 га. В преамбуле программы ее авторы пугают читателя страшным кризисом, надвигающимся на Россию, населенную почти одними безработными и нищими. Спасение от "анастасийцев". Они предлагают научить граждан, как "сотворить экологически чистую среду", а потом, отказавшись от "чуждых жизненных ценностей", "обучиться позитивному мышлению". После промывания мозгов намечено освоение массами "глубинных народных традиций" (надо полагать тех, которые "уничтожены" св. равноап. Кириллом и Мефодием, которым противопоставляется знатный баянист Щетинин, о коем см. ниже). Движение выступает за создание "экопоселений", самообеспечивающихся общин, в которых будут воспитываться люди "новой формации" (декокт из опыта КПСС и Виссариона).

Существуют и другие центры "анастасийцев". Один из них, "Исследовательский Центр Анастасии", содержит в Москве сам Пузаков-Мегре. В Томске в 1999 г. образован центр "Кедры Сибири". Под видом заботы о сохранении кедровников в тайге сектанты уже вступили в сотрудничество с Госкомэкологии РФ. В Челябинске члены центра "Анастасия" заняты созданием "пространства любви и островка света" ("Восточный экспресс", 17 июня 1999 г.).

Надо отметить, что между сектантами уже началась борьба за первенство. Недавно в Интернете пузаковцы подвергли нападкам некий алтайский центр, как самозванный.

Референтная группа "Анастасиюшки" должна иметь и романтический компонент. Пока трудолюбивые дачники будут выращивать кедры и заговаривать семена, кто-то должен сконцентрироваться на росте духовности. В этой связи возникает еще одна группа лиц,

призванных к участию в проекте Пузакова - это барды (преемники "прамамочкиного" муженька, см. выше). Чтобы польстить тем, кем намечено манипулировать, он сразу произвел их в потомки "кельтов-прародителей" и жрецов друидов. В древности бардом был тот, кто прошел двадцатилетнее обучение у жреца, узнаем мы (1, с. 254). Теперь, по замыслу Пузакова, всякий, кто играет на гитаре и распевает вирши собственного сочинения, должен восхвалить Анастасию, выведшую такую древнюю генеалогию самодеятельных певцов. И, кстати сказать, задумка удалась. Уже опубликован в твердой обложке целый том чудовищных стишат, посвященных "Анастасиюшке".

Для чего петь песни? Оказывается, здесь присутствует сверхзадача: "живые образы-субстанции создать и управлять с их помощью большим сообществом людей" (3, с. 185). Суть сектантской деятельности передана четко. Стиль хромает, но, по сути, все верно. В качестве доказательства приводится состязание Моисея и египетских жрецов, которых Пузаков всех скопом представляет как колдунов, отличающихся друг от друга лишь степенью овладения оккультными знаниями. О Божием присутствии - ни слова (3, с. 186-187). Магическим путем созданные образы и должны завладеть массами. "Когда народ поверит в образ, когда по нраву образ большинству, с желаньем каждый будет следовать ему, и в государстве нет необходимости огромную надсмотрщиков-чиновников строить структуру" (3, с. 191). Надо полагать, так будет, когда все поверят в "анастасийщину" и "добровольно и с песнями" подчинятся ее вождям.

Названным социальным группам адресована утопия под названием "рассвет в России". Если жители нашей страны исполнят все указания Анастасии, то "Россия станет богатейшей страной", в том числе благодаря доходу от торговли детскими кроватками из кедровой древесины и кедровым маслом (1, с. 361). Поскольку по мере приближения конца света ни один западный буржуин не сможет обойтись без этой сакральной продукции. Доллары потекут в страну рекой, только доски пили и орехи выжимай. Тут же дается ритуальный рецепт производства масла из кедрового ореха.

Для многих "анастасийцев" естественно возникает вопрос: нужно ли все бросить и идти спасаться в леса? Понимая всю опасность последствий такого призыва, в том числе и для экономической эффективности своего проекта, Пузаков учит: не надо (2, с. 179). Можно послужить "Анастасиюшке" и в столицах. И все же соблазнительный обман в писаниях Пузакова сохраняется. Читателю внушается мысль, что современный человек может уйти от мира и жить наедине с природой: "Ничего ведь нет у Анастасии, и в то же время она ни в чем не нуждается и даже ребенка свободно обеспечивает" (2, с. 138).

Педагогическая концепция.

Всякая секта в первую очередь обращает внимание на детей и молодежь, надеясь обеспечить свое будущее за их счет. Не является исключением и "анастасийщина". Лесная учительница настаивает, что в человеке заложено "реальное естественное мироздание" (1, с. 87), в которое ни в коем случае не нужно вмешиваться, и тогда ребенок в течение 9 лет вполне "осознает сущность мироздания, смысл человеческого существования". Здесь подразумевается, что всякое воспитание и система образования пагубно влияют на развитие ребенка. Они ничего не дают, только губят все живое в человеке. "Ангел и властелин становится нищим, рабом" (1, с. 88). Вступает в действие теория простоты, которая хуже воровства: родители, отбросьте без разбора все, что дала вам цивилизация, стремитесь к нарочитой, доведенной до фальшивого абсурда простоте: выбросите все "рукотворные предметы". Тогда ребенок будет развиваться правильно, с точки зрения астрологии и оккультизма, поскольку у него "проснутся" те клетки мозга, которые сделают его непревзойденным гением (какая мать не мечтает о супермене!), а также позволят принимать в "подсознание" новую информацию от планет (1, с. 92).

Сама Анастасия, к наивному восторгу доверчивых читателей, может якобы разговаривать на всех языках мира (нам доводилось видеть людей, которые искренне этому верят). Для

овладения ими нет нужды долго учиться. Если правильно, в игровой форме воспитывать ребенка в возрасте 3-11 лет, то он будет понимать собеседника "без слов" (1, с. 99).

Родив от Пузакова ребенка, Анастасия растит его в лесу, используя в качестве колыбельки пах медведицы. Свободное воспитание - вот ее идеал. "Стремление сил всех света (имеется в виду - всех сил света - сост.) во вселенной направлено, чтоб каждому рожденному все лучшее из мироздания передать. И долг родителей творящий свет не закрывать премудростями догм надуманных" (2, с. 121). Догмы - это про все, что не имеет отношения к "анастасийщине". Вот уж идеи Пузакова, те не надуманные, а самые что ни на есть благодатные. Не будут родители к детям соваться, передадут в сектантские школы-щетинники, и хорошо будет.

Свобода от "догм" касается и методов обучения детей в школе. В качестве образца, соответствующего "Анастасиюшкиному" идеалу, Пузаков приводит школу "академика" неизвестно чего, некоего Михаила Щетинина (он назван в книге "великим магом" (2, с. 149), "великим Ведуном" (2, с. 156)), человека, не имеющего никакого адекватного сфере его деятельности образования, но сумевшего уверить эзотерически настроенную общественность, что может за год обучить ребенка курсу математики в объеме средней школы. Проверить реальные достижения этого учебного заведения трудно: любую комиссию обвинят в предвзятости. Детей воспитывают в духе неоязычества, их головы забиты такими понятиями как "образ Сварога, Огненного небесного начала", "оберег камня", "пульс камней" (2, с. 146-147). Вот диалог: "Откуда вы берете знания, способности?" - "От звезд", - отвечает ученица (2, с. 151). Да и не диво, если учителя ничему не могут научить кроме русской национальной борьбы, языческих танцев и националистической идеологии, замешанной на язычестве, детям приходится выдумывать, откуда знания, которых нет. Такие уроки называются в книге "уроками богов" (3, с. 344). Пузаков с огромным удовлетворением наблюдал за перспективными сектантками - девочками, обучающимися в школе: "...идут по полянке маленькие русокодые белые магини. Они подрастут! Их в этой школе триста" (2, с. 155).

Научно-технические откровения.

Аудитория Пузакова хочет верить в чудеса, но не перестает мыслить в духе советской инженерии. Поэтому и предлагаемые способы выживания в "век погибели" носят конкретный характер: хочешь иметь здорового ребенка - зачинай на огороде под звездами; устал от болезней - три кедровую древесину и т.п. Вот пример рекламы, которую смастерила редакция газеты "Весь Новороссийск": "Обычные насаждения вашего дачного участка могут быть для вас самым квалифицированным семейным врачом... Как уберечь мужчину от блуда и самой не стать блудницей...Как воспитать гения...".

Однако этого показалось мало, и "Анастасиюшка" начинает вдаваться и в более сложные материи. Она, к примеру, "объясняет", как устроены "летающие тарелки" (в реальное существование которых Пузаков свято верит). "Терелка", оказывается, являет собой гигантский гриб, в стенках которого живут микроорганизмы, питающиеся "воздухом". Всасывая его, они создают перед "тарелкой" вакуум и способствуют ее быстрому передвижению в пространстве (1, с. 104-105). Анастасию несколько не смущает то обстоятельство, что в космическом пространстве отсутствует "воздух", которым питаются мифические микроорганизмы.

Еще одно открытие: необходимо подвешивать под бамперами автомобилей коробочки с дырочками, и загрязнение воздуха снизится на 40% (1, с. 110-111). Это открытие пока что, насколько известно, на отечественном рынке не раскручено ни самим Пузаковым, ни его предприимчивыми последователями.

Мы лишь обобщили сказанное Пузаковым и героиней его произведений, в некоторых случаях добавив высказывания других сектантов. К сожалению, для значительной части последователей

нового культа совершенно безразлично то, насколько противоречиво или бессмысленно то учение, которому они следуют. Они чувствуют себя вполне комфортно в атмосфере эмоционального и духовного хаоса. Но есть надежда, что размышления о сути "анастасийщины" остановят тех, кто не успел еще попасть в это сообщество. Ведь Пузаков-Мегре планирует продолжать свою писательскую деятельность. Без притока новых сил его бизнес захиреет.

Библиография:

1. Мегре, Владимир. Анастасия. Существую для тех, для кого существую (включает "Звенящие кедры России"). В 2-х книгах. Изд-во "Проф-Пресс", Ростов-на-Дону, 1998, 445 с.
2. Мегре, Владимир. Пространство любви. Московская тип. № 11. Москва, 1998, 223 с.
3. Мегре, Владимир. Сотворение. Изд-во "Проф-Пресс", Ростов-на-Дону, 1999, 399 с.

Священник Петр Иванов